

Пышкало Е.Г., Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь)

ДЕТСКОЕ СИРОТСТВО В СОСЛОВИИ СЕЛЬСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ВИТЕБСКОЙ И МИНСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Статья представляет собой попытку исследования такого социального явления, как детское сиротство в сословии сельских обывателей в первой половине XIX в. в Российской империи на примере Витебской и Минской губерний. Источниками послужили как отдельные указы правительства, так и кодифицированное российское законодательство. Также активно использовались ранее не опубликованные источники из собрания Национального исторического архива Беларуси. Проблема крестьянского сиротства в Российской империи в российской историографии рассматривалась достаточно фрагментарно. В белорусской историографии данная тема поднимается впервые. В ходе исследования было выявлено, что опекуновское право в отношении сословия сельских обывателей в Российской империи в первой половине XIX в. было разработано слабо и регламентировало правила опеки в зависимости от категории крестьян – удельные, государственные и частновладельческие. Было определено, что для крепостных сирот правовые нормы не разрабатывались и не создавались специализированные учреждения сословной опеки. В то же время были установлены основные механизмы опеки над крепостными детьми-сиротами – это родственно-семейный подход и ответственность владельца. Определённые обязательства государство возлагало на приказы общественного призрения. В ходе исследования было показано, как крестьянские дети, оставшиеся без опеки за пределами общины, подвергались маргинализации.

Ключевые слова: Российская империя, Витебская губерния; Минская губерния; сословие сельских обывателей; крестьяне; крепостное право; законодательство; сироты; опека; призрение; приказ общественного призрения.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-99-107

Введение. Для белорусско-литовских губерний Российской империи первой половины XIX в. была характерна высокая смертность взрослого населения и, соответственно, проблема детского сиротства была актуальна для всех слоев общества, особенно для крестьянства. По данным IX ревизии 1851 г., крестьяне составляли 80,8% от общего числа жителей мужского пола во всех пяти белорусско-литовских губерниях (Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилёвской). В 1806 г. эта цифра была ещё выше — 89,5% [3, с. 270]. Личнозависимые крестьяне составляли большинство от сословия сельских обывателей белорусско-литовских губерний – 79,8% в 1812 и 70,9% в 1858 [2, с. 104–105; 33, с. 27]. Эта самая многочисленная социальная группа, являвшаяся де-юре и де-факто собственностью помещиков, была самой «молчаливой», ещё более «молчаливыми» оказались дети-сироты. Неграмотность и специфика традиционной культуры крестьян привели к отсутствию письменных сведений об организации их частно-семейной, хозяйственной и общественной жизни вплоть до 1845 г. Только с появлением Русского географического общества (в котором был создан этнографический отдел) начались систематические этнографические исследования.

В российской историографии проблема крестьянского сиротства в Российской империи рассматривалась хронологически неравномерно. Исследователи отдавали предпочтение второй

половине XIX и началу XX вв. В этот период функции опеки над крестьянами были возложены на волостные правления и, соответственно, появились официальные документы. Однако некоторые из их выводов согласуются и с более ранним периодом. Так, учёные отметили отсутствие комплексной законодательной базы [4, с. 97] и то, что опека над крестьянскими детьми находилась в ведении сельского схода и регулировалась нормами обычного права [30, с. 54]. Помимо историков, тему сиротства в крестьянской среде поднимали антропологи и этнологи, рассматривавшие сферу традиционных представлений о сиротах, опеку над ними на основе фольклорных и этнографических материалов [21; 25; 34]. В белорусской историографии проблема сиротства в крестьянской среде не была предметом исследований.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования является детское сиротство как социальное явление в жизнедеятельности общества белорусско-литовских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. Предметом исследования является детское сиротство в сословии сельских обывателей в первой половине XIX в. Методологической базой послужили общенаучные методы (описание, анализ, сравнение, синтез), а также совокупность методов и приёмов, используемых в современной исторической науке. Системный анализ позволил комплексно изучить явление сиротства в крестьянском сословии. Также использовались специальные методы:

так, формально-юридический метод (анализ правовых норм) позволил выявить и объяснить содержание законов Российской империи в первой половине XIX в. Метод «case study» (детальное изучение локальных случаев) дал возможность рассмотреть нетипичные явления, описанные в архивных документах.

Результаты и их обсуждение. Опекунство у крестьян на белорусско-литовских землях, входивших в Великое княжество Литовское до конца XVIII в., вероятно, регулировалось нормами обычного права. После присоединения к Российской империи на этой территории распространилось российское законодательство, которое в конце XVIII – первой половине XIX вв. регламентировало вопросы призрения сирот из сословия сельских обывателей в зависимости от их категории – частных, государственных или крепостных крестьян. По акту от 7 августа 1797 г. попечительство над казёнными крестьянами было поручено волостным правлениям [23, с. 647], а над удельными по акту от 5 апреля 1797 г. – приказным старостам (членам сельского приказа [22, с. 562–563] – низшего, окружного органа в системе надзора за удельными крестьянами) [22, с. 563]. Содержание этих правовых норм было перенесено в кодифицированный «Свод законов Российской империи» (1835 г.) [26, с. 48].

Положения реформы государственной деревни 1838 г. для всех губерний, кроме Киевской, Подольской, Волынской, Минской, Виленской, Гродненской и Ковенской, регулировали правила опеки над государственными крестьянами. Так, в Витебской и Могилевской губерниях по закону опека регулировалась волостными правлениями и сельскими старшинами. В 1839 г. было принято «Высшее утвержденное учреждение по управлению государственным имуществом в западных губерниях и Белостокской области» [24], согласно которому за вопросы опеки отвечали «сельские управления». Процесс установления опеки над крестьянами-сиротами был такой же, как для дворян и мещан (назначение опекунов сельским старшиной, опись имущества, отчётность опекунов и т. д. [5; 6]). Таким образом, к способам призрения сирот были отнесены: 1. поручение их воспитания ближайшим родственникам, назначение сельским сходом опекуна; 2. передача в другую семью на воспитание без оплаты; 3. передача на воспитание крестьянам той же деревни с выплатой определенного пособия; 4. помещение в богадельню. Опека продолжалась до 21 года, а над крестьянскими девушками — до замужества, независимо от возраста. Опекун должен был ежегодно отчитываться о своих действиях перед сельским сходом [27, с. 57–61].

В то же время специальных законов о

призрении частновладельческих сирот разработано не было. Государство, как можно предположить, передавало этот вопрос на решение в рамках самой крестьянской общины, где дети могли быть отданы под присмотр старших родственников или на воспитание в другую семью. Помимо этого «родственно-семейного» подхода, направленного на усыновление, государство рассчитывало на участие помещиков в опеке над своими крепостными крестьянами. Считалось, что «самое правительство и человеколюбие требует, чтобы помещики пеклись о призрении бедных своих крестьян» [15, л. 101]. Оба этих варианта опеки над сиротами почти никогда не фиксировались в официальных документах. Однако некоторые сюжеты из архивных источников позволяют выявить роль помещиков в призрении принадлежащих им крепостных детей-сирот. В условиях отсутствия официальных документов, непосредственно касающихся призрения детей-сирот, косвенные данные о сиротах в сословии сельских обывателей встречаются в материалах судебных и полицейских органов. Однако такого рода документы содержат в себе определённое искажение, поскольку основными фигурантами являются маргинализированные сироты – те, которые уже находились вне правовой социальной структуры (за рамками сословий) или дети-сироты, которые уже стали преступниками. В Российской империи, возраст уголовной ответственности менялся на протяжении XVIII – первой половины XIX в. [1, с. 54–57]. В «Своде законов Российской империи» 1832 г. издания был закреплён предельный возраст 10 лет. Согласно «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., уголовная ответственность наступала с 7 лет, а фактически с 10 [32, с. 5–7].

Так, Комитет высочайше утвержденный для разбора и презрения нищих в Санкт-Петербурге сообщал Витебскому гражданскому губернатору 15 марта 1846 г., что в Комитет были представлены задержанные местным земским судом за прошение милостыни «не имеющие письменного вида» дети – мальчик Терентий Никитин 11 лет, девочки Анна Никитина 12 лет и Настасья Гаврилова 7 лет. Дети называли себя крестьянами помещика Огинского села Кошино Себежского уезда Витебской губернии. На допросах Терентий и Анна Никитины рассказали, что они отлучились в 1845 г. вместе со своей матерью, крестьянкой Марией Григорьевой, и приехали в Петербург, где жили в Смоленской слободе. После смерти матери осенью того же года они остались без присмотра и начали скитаться и просить милостыню. Настасья Гаврилова рассказала, что она с матерью жила в одной деревне с Никитиными, а потом вместе с последними проживали в окрестностях столицы. Когда и её мать умерла, девочка стала попрошайничать

вместе с сиротами Никитиными. Комитет поместил детей в дом нищих до получения о них необходимых сведений и просил Витебского гражданского губернатора установить, действительно ли они принадлежали помещику Огинскому. В письме говорилось: «Если это правда, обязать Огинского или управляющего его имением подписанием с назначением срока, взять из дома нищих означенных принадлежащих ему крестьянских детей, для оказания им в сиротстве и малолетстве призрения», а также прислать для каждого ребёнка «надлежащие письменные виды» [9, л. 2].

Через несколько дней, 19 марта 1846 г., Комитет доложил Витебскому гражданскому губернатору и о других детях-сиротах, которые также были крестьянами помещика Огинского. Полиция Санкт-Петербурга задержала крестьянку Христину Леонову и двух ее маленьких дочерей Прасковью и Анну за попрошайничество. Вскоре мать умерла, и Комитет просил губернатора распорядиться, чтобы помещик Огинский взял девочек-сирот под свою опеку [9, л. 5 об.]. Забрал ли Огинский детей крестьянки Леоновой, в документах не упоминается, но Комитет ещё трижды напоминал Витебскому губернатору об Анне Леоновой – 30 мая 1846 г. [9, л. 8], 10 августа [9, л. 28] и 14 ноября 1847 г. [9, л. 29]. Судьба её сестры Прасковьи осталась неизвестной. Однако задержанные ранее сироты Никитины всё же вернулись к своему владельцу. Себежский земский суд доложил губернатору 13 августа 1846 г., что «взята подписка от помещицы княгини Анны Огинской о призрении крестьянских детей Никитиных» [9, л. 9].

Похожий случай обсуждался в переписке того же Комитета и Витебского гражданского губернатора от 27 февраля 1847 года. Петербургская полиция задержала за попрошайничество болезненного вида 10-летнего крестьянского мальчика Сергея Максимова, принадлежавшего помещику Невельского уезда Витебской губернии («село Тиманово, деревня Пригарино») капитану князю Романовскому-Ладыжскому. Мальчик имел при себе справку (но не заверенную должным образом) о том, что он отпущен на шесть месяцев, с 1 июня по 1 ноября 1846 г., в Царское Село Санкт-Петербургской губернии для свидания с родственниками [10, л. 1]. Поскольку Сергей был болен, его отправили в детскую больницу Санкт-Петербурга, а Комитет обратился к губернатору с просьбой «приказать кому следует внушить владельцу этого несчастного мальчика Сергея Максимова, что ему не следовало отпускать его странствовать из места детства в таком возрасте, в коем не в силах будучи трудиться, по необходимости скитаться по миру и что по указанной в законах владельцам обязанности, ему следовало иметь о нем попечение. При чем объявить князю Романовскому-Ладыжскому,

дабы он немедленно взял сего мальчика из заведения нищих. И предупредить, что если он сего не исполнит по выздоровлению, то отослан будет к нему за его счет» [10, л. 1 об.].

Помимо родственников / общинников и помещиков, определенную роль в призрении крестьянских сирот играла христианская церковь, про что свидетельствуют немногочисленные документы. В ведомстве церковей (православной, католической и униатской до 1839 г.) находились приюты, больницы и богадельни, часть которых могла принимать сирот крестьянского происхождения. Также церковь занималась опекой над крестьянами в тех имениях, которые находились в её собственности. Например, в 1813 г. Минская православная духовная консистория предложила обучать письму и чтению крестьянских детей-сирот из имений, принадлежавших Слуцкому Троицкому монастырю. Поиски учителя вызвали затруднения, но на эту должность был выдвинут настоятель храма близ села Погост Слуцкого уезда Юстин Прорвич, и ему необходимо было выбрать пятерых мальчиков-сирот из монастырских деревень для обучения русской грамоте. В свободное от учёбы время эти мальчики могли заниматься различными работами в монастыре [7, л. 1–7].

Отдельные духовные лица могли также выступать опекунами крестьянских детей. Так, 18 декабря 1845 г. Витебская палата государственных имуществ распорядилась отдать на воспитание архимандриту Махировского монастыря Иосифу 6-летнего крестьянского мальчика имени Махирова Полоцкого уезда Нестора Васильева (его отца забрали в рекруты, а мать сбежала из имения). Архимандрит согласился бесплатно воспитывать ребенка, обеспечивать его, платить за него налоги в казну и научить его грамоте для того, чтобы он смог стать писарем. Если бы мальчик не показал способностей к обучению, ему пришлось бы освоить какое-нибудь ремесло. По достижении 20-летнего возраста «при возврате его обществу» архимандрит обязан был дать Нестору новую одежду: шубу, армяк, кушак, сапоги, рукавицы и две пары белья [8, л. 1–3].

Существенная роль в опеке над сиротами принадлежала губернским приказам общественного призрения. Эти учреждения управляли приютами, богадельнями, больницами, тюрьмами, народными школами и представляли собой надсловную структуру, которая была одновременно регулятором родственно-усыновительных и помещичье-крестьянских связей, а также независимым органом опеки. По законодательству в сиротские дома приказов общественного призрения принимались только дети «свободных состояний» [28, с. 73]. В целом же приказы общественного призрения были городским явлением и городским органом опеки, но

в их воспитательные дома и богадельни всё же могли попадать дети крестьян: подкидыши, бродяги и все те дети, которые по разным причинам находились за пределами вотчины. Согласно ст. 549 «Учреждений и уставов о общественном призрении»: «Малолетние из вольноотпущенных, круглые сироты и имеющие родителей или родственников в крепостном состоянии, призываются до совершеннолетия своего также Приказами Общественного Призрения по правилам о сиротах» [28, с. 97]. Однако, в соответствии со ст. 552, отданные обманом в воспитательные дома младенцы, рождённые крепостными женщинами, передавались помещику по его требованию. Если помещик просил вернуть крепостного ребёнка в течение года после принятия его в приют, то с него не взималась плата приказу за всё время содержание такого ребёнка [28, с. 98]. Вероятно таким способом государство стремилось перераспределить ответственность за крепостных сирот и возложить её на помещиков.

Эту двойственную функцию (участие в опеке и перенаправление частновладельческих крестьянских детей помещикам) иллюстрирует случай, который рассматривался Витебском губернском приказе общественного призрения в 1845 г. Данная инстанция разбирала дело о двухлетнем сироте Алексее, сыне умершей Пелагеи Гавриловой. Женщина, как сообщили в Витебской городской полиции, якобы скончалась от побоев, нанесённых женой жандарма Агафьей Афанасьевой, а её сын остался без опеки и без родственников. На время следствия с 1 июля 1845 г. вахтёр Витебского провиантского магазина Петр Филатов взял Алексея на воспитание, но при этом жаловался городской полиции, что больше не желает воспитывать мальчика без денежных выплат [16, л. 159–159 об.]. Лишь в декабре 1845 г. витебская городская полиция при помощи Полоцкого земского суда установила, что владелицей умершей крестьянки Гавриловой была помещица Реут. Поэтому приказ общественного призрения постановил: «Предписать Полоцкому земскому суду обязать помещицу Реуттову подпискою на взятие мальчика <...> взыскать у неё на удовлетворение Филатова за содержание <...> 1 руб. 50 коп. серебром в каждый месяц с 1 июня 1845 г.» [16, л. 646–648 об.]. Приказ общественного призрения в данном случае хоть и участвовал в устройстве судьбы сироты, но в то же время настаивал на поиске владельцев возможного крепостного крестьянина. А по результатам поиска настаивал, что ребенка опекать должна помещица, которой принадлежала умершая крестьянка Пелагея Гаврилова.

Можно предположить, что дети-сироты, которые не были приняты на воспитание родственниками или в другую крестьянскую семью и, таким образом, не были интегрированы в жёсткую

систему крестьянской общины, нередко начинали заниматься бродяжничеством и попрошайничеством. Когда полиция задерживала таких детей, их дела впоследствии рассматривались в совестных судах (судебные инстанции, которые занимались преступлениями несовершеннолетних, сумасшедших и т.п.) [31]. Бродяжничали как мальчики, так и девочки-подростки, и приговор им выносился в зависимости от их пола и возраста. Как необходимо было поступать с малолетними бродягами, прописывалось в 631 ст. 6 п. «Устава о беглых и паспортах» «Свода законов» (редакция 1857 г.): бродяг-мальчики от 8 до 17 лет отправлялись в батальоны военных кантонистов, а девочки оставались в ведомстве приказов общественного призрения до совершеннолетия, после чего приписывались к «податному обществу» [29, с. 134–135]. Приметы бродяг должны были публиковаться в «Сенатских объявлениях» и местных «Губернских ведомостях» [29, с. 132]. Данная процедура предусматривалась законом для того, чтобы отыскать возможных владельцев беглого крестьянина или слуги.

Задачей следствия было выяснить, кому принадлежали беглые крепостные сироты. Так, 22 мая 1846 г. Витебский совестный суд рассмотрел дело 17-летнего крестьянина Фёдора Трофимова, задержанного за побег и дачу ложных показаний. На первых допросах Фёдор рассказал, что не помнит, кто его родители, и что с детства занимался попрошайничеством в разных деревнях и городах. На повторном допросе он признался, что является крепостным крестьянином помещика Невельского уезда Андрея Лаского, и это подтвердилось в ходе проверки. Его наказали 10 ударами плетью, и суд обязал его вернуться «на прежнее жилище» [18, л. 39–42]. В июле 1834 г. в Минском уездном суде при рассмотрении дела 15-летнего мальчика Василия, арестованного за бродяжничество, было установлено, что он принадлежал к имению Лошица графа Прушинского, как и его покойная мать. Сам Василий рассказал на допросах, что восемь лет назад пошёл попрошайничать с матерью «во время существовавшего недостатка в продовольствии». Суд постановил вернуть мальчика Прушинскому и на следующей ревизии записать его в крепостные крестьяне [13, л. 21–21 об.].

Иной приговор выносил суд в том случае, если хозяев крестьянских детей не удавалось найти. Например, в Витебском совестном суде 9 февраля 1835 г. рассматривалось дело «о непомнящем родства» мальчике Леоне Фёдорове 14 лет, которого судили за бродяжничество и «ложное о себе показание». Мальчик был задержан двумя месяцами ранее, в декабре 1834 г. в г. Сенно Могилёвской губернии. Он сообщил городской полиции, что является крепостным крестьянином помещика Шаверновского из фольварка Кругляны

Витебского уезда Витебской губернии. Однако попытка вернуть Леона Фёдорова помещику оказалась неудачной, так как тот отрицал, что мальчик является его собственностью. При дальнейшей проверке выяснилось, что Леон не знал, «кто же его родители и к какому классу людей принадлежит». В итоге дело было перенаправлено в Витебский совестный суд, который приговорил Леона Фёдорова к церковному покаянию и зачислению в военно-сиротское отделение кантонистом [19, л. 2–2 об.]. Кроме того, было предписано опубликовать описание Леона Фёдорова в Санкт-Петербургских и Московских «Губернских ведомостях».

Похожим образом заканчивались дела других мальчиков-сирот, которые были арестованы за бродяжничество. В документах такие дети нередко фигурировали под определением «не помнящие родства» – они не знали, есть ли у них родственники или не имели их, находились без всякой опеки и не признавались в своей принадлежности ни к какому помещику. Так, в городе Невель был задержан 10-летний мальчик Иван Кондратьев. На допросе 28 января 1835 г. он рассказал, что бродил с матерью Ульяной по разным местам и просил милостыню. Когда три года назад мать его умерла, он начал ходить один «по миру», а летом зарабатывал тем, что пас скот в деревнях. Витебский совестный суд постановил – зачислить Ивана в кантонисты и опубликовать о нём информацию в «Губернских ведомостях» [19, л. 89–91]. 28 мая 1843 г. подобное решение было принято в отношении бродяги Ивана 16 лет, арестованного в Динабургском уезде [20, л. 39–42]. В мае 1846 г. витебская полиция задержала 14-летнего бродягу Базыля. Помимо бродяжничества, его обвинили в даче ложных показаний во время следствия. Сначала на допросе Базыль заявил, что он крестьянин казённого имения Езерище Городецкого уезда. Но во время расследования жители хутора Войхан, который принадлежал имению, принадлежавшем имению, под присягой заявили, что никогда не знали этого мальчика. На допросах Базыль также рассказал, что после смерти матери он скитался по Городецкому, Витебскому, Ошмянскому уездам, где «около 10 лет снискивал себе пропитание испрашиванием милостыни, но пристанища ни у кого нигде не имел». Витебский совестный суд приговорил Базыля к 7 ударам плетью и зачислению в военные кантонисты, а в случае негодности к службе – в Витебский приказ общественного призрения [18, л. 35–38 об.].

Отдавали под суд за бродяжничество и девочек-сирот. Так, 4 октября 1844 г. Витебский совестный суд рассмотрел дело 15-летней осиротевшей крестьянской девушки Пелагеи Тумашевичевой, признанной беглой крепостной помещика Рыка Люцинского уезда. Её судили за

бродяжничество, незаконный побег от помещика и покупку поддельного билета «на свободное местожительство во всех городах Российской империи сроком на 5 лет». На следствии Пелагея рассказала, что скиталась по разным местам более полугода, «пропитывая себя деревенской работой». Суд, приняв во внимание то, что «допустилась к совершению <...> поступков по простоте и легкомыслию на 14 году своего возраста», решил наказать Пелагею 30 ударами плетью и вернуть её помещику [17, л. 149–152]. 13 декабря 1846 г. в том же суде рассматривалось дело несовершеннолетней бродяги Арины, которой по данным медицинского освидетельствования было около 17 лет. В материалах дела говорилось, что родители Арины умерли, когда ей было 5 лет. С этого времени она скиталась по Невелю и другим городам, местечкам и деревням, но не смогла найти пристанища и, наконец, сама явилась в земский суд, чтобы приписаться к определённой сословию. Суд постановил, что Арина стала бродягой в бессознательном возрасте, поэтому было решено отправить её в богадельню Витебского приказа общественного призрения и опубликовать её описание в «Губернских ведомостях». Кроме того, ей было предоставлено право причислиться к любой податной социальной группе по достижении совершеннолетия [18, л. 173–175 об.].

18-летняя Розалия была арестована за бродяжничество городской полицией в Минске в октябре 1832 г. Как она рассказывала на допросах, её мать Агафья тоже была сиротой, называла себя дворянкой и служила «по разным местам» Вилейского уезда Виленской губернии. Забеременев и родив Розалию от неизвестного свободного человека, Агафья стала жить со своей сестрой Лисаветой в том же уезде, в селе Севец – собственности помещиков Ивашкевича и Высоцкого. После смерти матери Розалию до 9 лет воспитывала тётя Лисавета, которая позже стала отдавать её «на услужение» разным крестьянам. После этого девушка поехала искать работу в Минск, куда её взял с собой шляхтич Б. из города Радашковичи. Минская управа полиции и Минский уездный суд не установили настоящей сословной принадлежности и происхождения Розалии, поэтому по постановлению Минского уездного суда от 28 мая 1835 г. она была признана бродягой и приговорена к ссылке в Сибирь на поселение [12, л. 1–25].

25 февраля 1855 г. в Минском уездном суде была допрошена 12-летняя девочка Марцеля, которая с детства скиталась вместе с какой-то нищенкой, а после её смерти – одна. Девочка не помнила своих родителей и родственников, была неграмотной. В архивном деле нет информации о том, была ли Марцеля наказана, но в ходе судебного разбирательства её оставили под опекой

заславского ключовйта, который ранее доставил её в суд [14, л. 1–1 об.].

Похожий случай разбирался Минской палатой уголовного суда осенью 1859 г. Дело было направлено в Палату уголовного суда на ревизию из Пинского уездного суда по предложению губернатора. В материалах дела указано следующее: крестьянин казённого имения Купятичи Гаврило Лесовец рассказал, что «явилась к нему в дом 1-го октября 1855 года нищая девочка [Ксения] в одной рубашке, покрытая рогожей, босая и <...> едва могла войти в хату для испрошения милостыни <...> [Из сострадания] к крайнему её положению, принял её ради человеколюбия, потом <...> она постоянно занималась у него хозяйскими работами» [11, л. 6–6 об.]. Окончательный приговор по делу был вынесен только в 1861 г. В ходе следствия выяснилось, что Ксении было 14 лет и с детства, не имея родственников, она ходила попрошайничать с разными людьми. Она приехала в Пинск, а оттуда в имение Купятичи к крестьянину Лесовцу, у которого в итоге пробыла два года, а затем была отдана под опеку писаря Купятицкого сельского управления. Уголовная палата признала Ксению бродягой и приговорила её к содержанию в учреждениях приказа общественного призрения до 17 лет, после чего «выпустить <...> на собственное пропитание в месте её нахождения» [11, л. 11].

В отношении тех крестьян-сирот, которые занимались бродяжничеством и попрошайничеством, можно выделить несколько тенденций. Их возраст колебался от 10 до 18 лет, то есть в основном маргинализировались подростки-сироты. Маленькие дети-сироты, как можно предположить, находились на попечении общины, у родственников или, лишенные какой-либо опеки, не доживали до подросткового возраста.

Большинство сирот-подростков на допросах не называли конкретных причин, почему и когда они начали бродяжничать, но очевидно, что они были опекаемы лучше (или имели родителей) в раннем возрасте. Лишь в 3 из 11 случаев дети начинали попрошайничать вместе с родителями или другими людьми, в остальных – либо после смерти родителей, либо самостоятельно. 4 подростка из 11 выживали за счёт найма на различные работы по дому, остальные за счёт подаяния.

Вероятно, причины, толкавшие подростков-сирот к попрошайничеству и бродяжничеству, были типичны для всего крестьянства: тяжёлые условия труда у помещика или арендатора, нежелание идти в рекруты, неурожаи и т.п. Кроме того, подростки в крестьянской среде не воспринимались детьми, занимались тяжёлым трудом наравне со взрослыми, и, скорее всего, в этот возрастной период без семьи им было труднее

социализироваться и стать полноценной частью крестьянской общины. Возможно, крестьянским семьям было экономически проще вырастить маленького ребенка, чем кормить подростка, претендовавшего на «взрослую» порцию питания.

Заключение (выводы). Таким образом, детское сиротство в условиях высокой смертности было неотъемлемым фактором жизни крестьянства белорусско-литовских губерний первой половины XIX в. В то же время опекуновское право в отношении крестьян было развито слабо. Призрение сирот из сословия сельских обывателей регулировалось законодательством фрагментарно, в зависимости от их категории – удельные, государственные и крепостные крестьяне. Приказные старосты отвечали за опеку над удельными крестьянами. Механизм опеки над государственными крестьянами был чётко разработан при подготовке реформы государственной деревни 1838–1839 гг. В зависимости от губерний ответственными были волостные или сельские управления, которые должны были назначать опекунов для сирот до 21 года. На практике сохранялось сильное влияние сельского схода и традиций обычного права, склонявшихся к передаче детей на воспитание в другие семьи внутри общины.

Специальных правовых норм по призрению частновладельческих крепостных сирот не существовало, для них не создавались специализированные учреждения сословной опеки. Ответственность за опеку над сиротами несли отдельные помещики, либо с помощью внутренних механизмов общины дети передавались на воспитание в другие семьи. Влиянием на призрение крестьянских детей-сирот обладала церковь. Представители церкви могли брать крестьянских сирот под свою опеку на воспитание, а также выполняли просветительскую функцию и способствовали интеграции сирот в общество. Под их покровительством находились богадельни и приюты, где также могли заботиться о крестьянских детях-сиротах. Определённую роль в опеке над крестьянскими сиротами могли играть губернские приказы общественного призрения (в исключительных случаях, когда ребенок находился вне вотчины), но это учреждение стремилось передать сирот на воспитание в семьи или вернуть их помещику.

Сироты, оставшиеся без попечения за пределами крестьянской общины, часто подвергались маргинализации – занимались попрошайничеством и бродяжничеством. В основном это были подростки, поскольку младенцы и малолетние дети брались на попечение крестьянскими семьями и нуждались не столько в социализации, сколько в заботе об их выживании и удовлетворении их первичных потребностей. В случае ареста сироты подвергались суду, который выносил приговор в зависимости от возраста и пола детей. Мальчиков от 8 до 17

лет отправляли на военную службу, а девочек оставляли в ведомстве учреждений приказов общественного призрения (приютах различного типа, богадельнях) до достижения ими совершеннолетия с правом отнесения к лично свободным податным категориям населения. Таким образом, государство не стремилось пополнить категорию крепостных крестьян за счёт арестованных бродячих детей

крестьянского происхождения, за исключением доказанной принадлежности определённому помещику. В последнем случае дети возвращались к владельцу и записывались в ревизионные документы как крепостные, а их наказание и дальнейшее призрение (или его отсутствие) полностью перекладывались на помещика.

Список литературы

1. Анофранка Н. Злачынствы непаўналетніх і малалетніх дзяцей у 30–50-я гады XIX ст. на землях Беларусі // Беларускі гістарычны агляд. Т. 28 Сшыткі 1–2 (54–55). Снежань 2021 С. 53–93.
2. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII — пачатак XX ст.) / М.В. Біч [і інш.]; Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Экаперспектыва, 2005. 519 с.; іл.
3. Гісторыя сялянства Беларусі. У 3 т. Т. 1. Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г. / Я.К. Анішчанка, Г.Я. Галенчанка, В.Ф. Голубеў [і інш.]; пад рэд. В.І. Мялешкі [і інш.]. Мінск : Беларуская навука, 1997. 431 с. ; іл.
4. Гордеева М.А. Правовое положение крестьянских детей-сирот в Томской губернии в конце XIX–начале XX века: формальные правила и их воплощение // Исторический курьер. 2021. № 1 (15). С. 96–104.
5. Кімбар К. Р. Заканадаўчыя асновы дзейнасці сіроцкіх судаў на беларускіх землях у канцы XVIII – першай палове XIX ст. // Пічэтаўскія чытанні – 2023: інстытуцыянальныя змены ў гуманітарнай сферы як адлюстраванне палітычных і эканамічных працэсаў. Мат-лы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 80-годдзю аднаўлення работы БДУ на станцыі Сходня і 145-годдзю з дня нараджэння У.І. Пічэты. Мінск, 11 кастр. 2023 г. Мінск: БДУ, 2023. С. 267–274.
6. Кімбар К. Р. Развіццё заканадаўства аб дзейнасці дваранскіх апекаў у беларускіх губернях ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. // Мадэрнізацыя і працэсы сацыяльных трансфармацый у Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XXI стагоддзя : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 17 лістап. 2023 г. Мінск : БДУ, 2023. С. 88-96.
7. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 2993.
8. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 11910.
9. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 12440.
10. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 14421.
11. НИАБ. Ф. 145. Оп. 2. Д. 618.
12. НИАБ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 176.
13. НИАБ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 215.
14. НИАБ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 315.
15. НИАБ. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 766.
16. НИАБ. Ф. 2638. Оп. 1. Д. 811.
17. НИАБ. Ф. 2647. Оп. 1. Д. 105.
18. НИАБ. Ф. 2647. Оп. 1. Д. 129.
19. НИАБ. Ф. 2647. Оп. 1. Д. 18.
20. НИАБ. Ф. 2647. Оп. 1. Д. 92.
21. Петров Н. Сколотки, Богданы и любоделанные: сироты в русской деревне [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1682> (дата обращения: 18.05.2024).
22. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 24. №. 17906. С. 525–569.
23. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 24. №. 18082. С. 672–677.
24. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 14, ч. 1. №. 13035. С. 989–1150.
25. Самохіна А.М. Міфасемантыка сувязяў «сірата – слёзы – дождж» у беларускай традыцыйнай культуры // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. № 1 (118). С. 127–131.
26. Свод законов Российской империи (далее – СЗРИ) [повелением Государя императора Николая Павловича составленный]. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1835–1836. Т. 10. Свод законов гражданских и межевых: ч. 1 и 2. 1835. 1137 с.
27. СЗРИ. СПб, 1857. Т. 10. Ч. 1. Законы гражданские. 1857. 491 с.
28. СЗРИ. СПб, 1857. Т. 13. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении, и врачебные. Тетр. II. Учреждения и уставы о общественном призрении. 294 с.
29. СЗРИ. СПб, 1857. Т. 14. Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражей, и о ссыльных. 1857. 909 с.

30. Соловьева И. В. Традиции опеки у русских крестьян в конце XIX в. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 4 (41). С. 53–59.

31. Харсеева О. В. Совестные суды в истории ювенального правосудия императорской России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. №2. С. 330–342.

32. Чапурко Т. М., Лысенко А. В. Установление возраста уголовной ответственности в истории развития российского уголовного законодательства (до 1918 года) // Научный журнал КубГАУ. 2007. №25. С. 197–216.

33. Чепко В. В. Классовая борьба в белорусской деревне в первой половине XIX века. Минск: Наука и техника, 1972. 265 с.

34. Шарая В. М. Уяўленні пра сірату ў традыцыйнай культуры беларусаў: асаблівасці вывучэння і перспектывы даследавання // Acta Albaruthenica. Katedra Białorutenistyki Uniwersytetu Warszawskiego. 2020. T. 20. С. 67–85.

CHILDREN'S ORPHANHOOD IN THE PEASANTRY IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY (BASED ON MATERIALS OF VITEBSK AND MINSK PROVINCES)

The article is an attempt to study such a social phenomenon as child orphanhood among the peasantry in the first half of the 19th century in the Russian Empire using the example of Vitebsk and Minsk provinces. The sources were both a number of government decrees and codified Russian legislation. Previously unpublished sources from the collection of the National Historical Archive of Belarus were also actively used. The problem of peasant orphanhood in the Russian Empire in Russian historiography was considered quite sporadically. This topic is being raised for the first time in Belarusian historiography. The study revealed that guardianship law in relation to the class of rural dwellers in the Russian Empire in the first half of the 19th century was poorly developed. The law regulated the rules of guardianship depending on the category of peasants - court, state and privately owned. It was determined in the article that no legal norms were developed for serf orphans and no specialized class guardianship institutions were created. At the same time, the article established the basic mechanisms of guardianship over serf orphans - this is a family approach and the responsibility of the owner. The state assigned certain obligations to the Departments of Public Care. The study showed how peasant children left without care outside the community were marginalized.

Keywords: Russian Empire, Vitebsk province; Minsk province; class of rural dwellers; peasants; serfdom; legislation; orphans; guardianship; care; department of public care.

References

1. Anofranka N. (2021) Zlachynstvy niepaŭnaletnich i malaletnich dzieci u 30–50-ja hady XIX st. na ziemiach Bielarusi [Juvenile and Minor Crime from 1830s until 1850s in the lands of Belarus] // *Bielaruskі historychny ahlad*. T. 28. Sshytki 1–2 (54–55). S. 53–93.

2. Historyja Bielarusi: U 6 t. T. 4 (2005). Bielaruś u skladzie Rasijskaj impieryi (kaniec XVIII — pachatak XIX st.) [History of Belarus: In 6 vol. Vol. 4. Belarus as a part of the Russian Empire (end of the 18th century - beginning of the 20th century)] / M.V. Bich [i insh.]; Redkal.: M. Kasciuk (hal. red.) [i insh.]. Minsk: Ekapierspiektyva. 519 s.; il.

3. Historyja sialianstva Bielarusi. U 3 t. T. 1 (1997). Historyja sialianstva Bielarusi ad starazhytnasci da 1861 h. [History of the peasantry of Belarus. In 3 vol. Vol. 1. History of the peasantry of Belarus before 1861] / Ja.K. Anishchanka, H.Ja. Halienchanka, V.F. Holubieŭ [i insh.]; pad red. V.I. Mialieshki [i insh.]. Minsk : Bielaruskaja navuka. 431 s. ; il.

4. Gordeeva M.A. (2021) Pravovoe polozhenie krest'yanskikh detej-sirot v Tomskoj gubernii v konce XIX–nachale XX veka: formal'nye pravila i ih voploshchenie [Legal Status of Peasant Orphans in the Tomsk Province in the Late 19th – Early 20th Century: Formal Rules and Their Implementation] // *Istoricheskij kur'er*. № 1 (15). S. 96–104.

5. Kimbar K. R. (2023) Zakanadaŭchyja asnovy dziejnasci sirockich sudoŭ na bielaruskich ziemliach u kancy XVIII – piershaj palovie XIX st. [Legislative base for the activity of orphan courts in the Belarusian-Lithuanian governorates at the end of the 18th - the first half of the 19th centuries] // *Pichetaŭskija chytanni – 2023: instyucyjnalnyja zmieny ŭ humanitarnaj sfery jak adliustravannje palitychnych i ekanamichnych pracesaŭ. Matly mizhnarodnaj navukovaj kanfierencyi, prysviechanaj 80-hoddziu adnaŭliennia raboty BDU na stancyi Schodnia i 145-hoddziu z dnia naradzhennia U.I. Pichety. Minsk, 11 kastr. 2023 h.* Minsk: BDU. S. 267–274.

6. Kimbar K. R. (2023) Razvicio zakanadaŭstva ab dziejnasci dvaranskich apiek u bielaruskich hubierniach ŭ kancy XVIII – piershaj palovie XIX st. [Development of the law for the activities of noble guardianships in the Belarusian-Lithuanian governorates at the end of the 18th - the first half of the 19th century] // *Madernizacyja i pracesy sacyjalnych transformacyj u Bielarusi ŭ kancy XVIII – pachatku XXI stahoddzia : materyjaly mizhnar. navuk. kanf., Minsk, 17 listap. 2023 h.* Minsk : BDU. S. 88–96.

7. Nacional'nyj istoricheskij arhiv Bielarusi [National Historical Archive of Belarus] (NIAB). F. 136.

Op. 1. D. 2993.

8. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 11910.

9. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 12440.

10. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 14421.

11. NIAB. F. 145. Op. 2. D. 618.

12. NIAB. F. 159. Op. 1. D. 176.

13. NIAB. F. 159. Op. 1. D. 215.

14. NIAB. F. 159. Op. 1. D. 315.

15. NIAB. F. 2638. Op. 1. D. 766.

16. NIAB. F. 2638. Op. 1. D. 811.

17. NIAB. F. 2647. Op. 1. D. 105.

18. NIAB. F. 2647. Op. 1. D. 129.

19. NIAB. F. 2647. Op. 1. D. 18.

20. NIAB. F. 2647. Op. 1. D. 92.

21. Petrov N. Skolotki, Bogdany i lyubodelannye: siroty v russkoj derevne [Skolotki, Bogdany and fornicators: orphans in the Russian village]. URL: <https://arzas.academy/materials/1682> (accessed: 18.05.2024).

22. Polnyj svod zakonov Rossijskoj imperii [Complete set of laws of the Russian Empire] (PSZRI). Sobr. 1. T. 24. №. 17906. S. 525–569.

23. PSZRI. Sobr. 1. T. 24. №. 18082. S. 672–677.

24. PSZRI. Sobr. 2. T. 14, ch. 1. №. 13035. S. 989–1150.

25. Samochina A.M. (2020) Mifasiemantyka suviaziaŭ «sirata – sliozy – dozhdzh» u bielaruskaj tradycyjnaj kultury [Mythological and semantized meanings of the “orphan – tears – rain” connections in Belarusian traditional culture] // *Izviestija Homielskoho hosudarstviennoho univiersiteta imieni F. Skoriny*. Sier.: Humanitarnyja nauki. № 1 (118). S. 127–131.

26. Svod zakonov Rossijskoj imperii (1835) [Code of Laws of the Russian Empire] (SZRI) [poveleniem Gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyj]. SPb. : Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. kancelyarii. T. 10. Svod zakonov grazhdanskih i mezhevyh: ch. 1 i 2. 1137 s.

27. SZRI (1857). SPb. T. 10. CH. 1. Zakony grazhdanskije. 491 s.

28. SZRI (1857). SPb. T. 13. Ustavy o narodnom prodovol'stvii, obshchestvennom prizrenii, i vrachebnye. Tetr. II. Uchrezhdeniya i ustavy o obshchestvennom prizrenii. 294 s.

29. SZRI (1857). SPb. T. 14 : Ustavy o pasportah, o preduprezhdenii prestuplenij, o cenzure, o sodержashchihsia pod strazhej, i o ssyl'nyh. 909 s.

30. Solov'eva I.V. (2011) Tradicii opeki u russkikh krest'yan v konce XIX v. [Traditions of guardianship at Russian peasants in the end of the 19th century] // *Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Ser. 2: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. Vyp. 4 (41). S. 53–59.

31. Harseeva O.V. (2018) Sovestnye sudy v istorii yuvenalnogo pravosudiya imperatorskoj Rossii [Conscientious courts in the history of juvenile justice in Imperial Russia] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo*. Yuridicheskie nauki. №2. S. 330–342.

32. Chapurko T. M., Lysenko A. V. (2007) Ustanovlenie vozrasta ugovnoj otvetstvennosti v istorii razvitiya rossijskogo ugovnogo zakonodatel'stva (do 1918 goda) [Establishing the age of criminal liability in the history of the development of Russian criminal legislation (before 1918)] // *Nauchnyj zhurnal KubGAU*. №25. S. 197–216.

33. Chepko V. V. (1972) Klassovaya bor'ba v belorusskoj derevne v pervoj polovine XIX veka [Class struggle in the Belarusian village in the first half of the 19th century]. Minsk: Nauka i tekhnika. 265 s.

34. Sharaja V. M. (2020) Ujaŭlienni pra siratu ŭ tradycyjnaj kultury bielarusaŭ: asablivasci vyvuchennia i pierspiektyvy dasliedavannia [Ideas about the orphan in Belarusian traditional culture: research particularities and prospects] // *Acta Albaruthenica*. Katedra Białorutenistyki Uniwersytetu Warszawskiego. T. 20. S. 67–85.

Об авторе

Пышкало Екатерина Григорьевна – младший научный сотрудник отдела истории Беларуси конца XVIII – начала XX веков, аспирант, Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь), E-mail: katsyaryna.kimbar@yandex.ru

Pyshkalo Katerina Grigor'evna - junior research fellow in the Department of the history of Belarus from the end of the 18th until the beginning of the 20th centuries, postgraduate student, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Belarus), E-mail: katsyaryna.kimbar@yandex.ru